

Епископ АНТОНИЙ (ХРАПОВИЦКИЙ)

Слово пред панихидой о Пушкине,

сказанное в Казанском университете 26 мая 1899 г.

Сегодня в разных концах нашего Отечества представители русской литературы и русского гражданства говорят о нашем великом народном поэте — Пушкине. Что скажет о нем служитель церкви для духовного назидания? Ответ на такой вопрос нетрудно почерпнуть из общественного настроения сегодняшнего дня. Смотрите — имя Пушкина привлекло сюда русских людей самых разнообразных положений и возрастов: и старцы и юноши, и мужчины и женщины, и военные и гражданские чины, и вельможи и скромные горожане, — считают для себя дорогим и близким имя покойного поэта. Все литературные, философские и политические лагеря стараются привлечь к себе имя Пушкина. С какою настойчивостью представители различных учений стараются найти в его сочинениях или, по крайней мере, в его частных письмах какую-нибудь, хотя маленькую, оговорку в их пользу. Им кажется, что их убеждения, научные или общественные, сделаются как бы правдивее, убедительнее, если Пушкин хотя бы косвенно и случайно подтвердил их. Где искать тому объяснения? Если бы мы были немцами или англичанами, то вполне правильное объяснение заключалось бы, конечно, в ссылке на народную гордость, на мысль о Пушкине как о виновнике народной славы. Но мы — русские, и свободны от такого ослепления собою. Если мы кого горячо любим все вместе, всем народом, то для объяснения этого нужно искать причин внутренних, нравственных. Спросим же мы свое русское сердце, что оно чувствует при чтении бессмертных творений нашего поэта? Думаю, что с нами согласятся все, если мы скажем, что стих Пушкина заставляет сердце наше расширяться, сладостно трепетать и воспроизводить в нашей памяти и в нашем чувстве все доброе, все

возвышенное, когда-либо пережитое нами. Бывает так, что в минуты душевного утомления и апатии какой-нибудь отрывок из Пушкина вдруг поднимает в нашей душе самые сложные, самые возвышенные волнения. Такое действие можно сравнить с тем, когда большая и косная масса музыкального органа вдруг приводится в движение чрез мощное прикосновение к его ручке; несложно и быстро вращательное действие ручки, а вдруг чудная сложная мелодия издается мертвой машиной.

Великий Достоевский объясняет любовь русского народа к Пушкину тем, что он вмещал в себе в степени высшего совершенства ту широту русской души, из которой эта последняя может перевоплощаться в умы и сердца всех народностей, обнимать собою лучшие стремления всякой культуры и вмещать их в единстве нашего народного и христианского идеала¹. Определение пушкинской поэзии вполне справедливое; но оно недостаточно, чтобы объяснить близость Пушкина ко всякому русскому сердцу, хотя бы и совершенно чуждому международных интересов. Перевоплощение пушкинского гения не ограничивалось своим международным значением. Он мог перевоплощаться в самые разнообразные, иногда в самые исключительные, настроения всякого вообще человека, любого общественного положения и исторической эпохи. Читая драматические и лирические творения Пушкина, сколь часто каждый из нас узнает в них свои собственные душевные настроения, свои колебания, свои чаяния. Исключительное свойство художественного таланта Пушкина, столь глубоко захватывающего всю внутреннюю жизнь своего читателя, заключается именно в том, что он описывает различные состояния души человеческой не как внешний наблюдатель, метко схватывающий оригинальные и характерные проявления жизни и духа человеческого: нет — Пушкин описывает своих героев как бы изнутри их, раскрывает их внутреннюю жизнь так, как ее опознает сам описываемый тип. В этом отношении Пушкин превосходит других гениальных писателей, напр<имер> Шиллера, и даже Шекспира, у которых большинство героев являются сплошным воплощением одной какой-нибудь страсти, и потому внушают читателю ужас и отвращение. Совсем не так у Пушкина: здесь мы видим живого цельного человека, хотя и подвергнутого какой-нибудь страсти, а иногда и подавленного ею, но все-таки в ней не исчерпывающегося, желающего с нею бороться, и во всяком случае, испытывающего тяжкие мучения совести. Вот почему все его герои, как бы они ни были порочны, возбуждают в читателе не презрение, а *сострадание*. Таковы его — Скупой Рыцарь, и Анжело, и Борис Годунов, и его счаст-

ливый соперник, Дмитрий Самозванец. Таков же и его Евгений Онегин, самолюбивый и праздный человек, но все же преследуемый своею совестью, постоянно напоминающей ему об убитом друге. Так, самое описание страстей человеческих в поэзии Пушкина есть торжество совести.

Ах, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть!
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою;
Но если в ней единое пятно,
Единое, случайно завелось,
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком стучит в ушах упрек,
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!*

Понятно теперь, почему нам жалко всех его героев, почему нам кажется, что хотя они и впали в тяжкие преступления, но они могли бы быть лучшими, и что мы сами чрезвычайно похожи на того или другого из них. Подобное влияние своей поэзии на умы и сердца человеческие Пушкин предвидел, и не ошибемся мы, если к этому именно предчувствию поэта отнесем его дерзновенные слова, которые он произнес на закате своей литературной деятельности:

И долго буду тем народу я любезен,
Что чувства добрые в нем лирой возбуждал,
Что прелестью живой стихов я был полезен
И милость к падшим призывал².

Но приостановимся в раскрытии нравственного значения Пушкина для русского человека: нам уже слышатся возражения — мог ли иметь такое влияние Пушкин, этот легкомысленный, буйный юноша, не только себя самого, но иногда и свою лиру отдававший на служение беспутству? Ответим на этот вопрос беспристрастно, ибо тогда еще лучше поймем значение пережи-

* III. 17 <«Борис Годунов»>. — Цитаты приведены по изданию сочинений Пушкина Общества пособия русским литераторам (СПб., 1887) <Пушкин А. С. Сочинения: В 7 т. Изд. Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, под редакцией и с объяснительными примечаниями П. О. Морозова. — *Сост.*>.

ваемого события. Влияние Пушкина не есть прямое воздействие высоконравственной личности, но воздействие его литературного гения. Не по своей воле, не вследствие нравственных усилий получил он исключительную способность совершенно перевоплощаться в настроение каждого человека и открывать в нем правду жизни читателю и самому себе: все это было свойством его природы, даром Божиим. Пушкин был великим поэтом, но великим человеком мы его назвали бы лишь в том случае, если бы он эту способность глубокого сострадания людям и эту мысль о царственном значении совести в душе нашей сумел бы воплотить не только в своей поэзии, но и во всех поступках своей жизни. Он этого не сделал и постоянно отступал от требований своей совести, воспитанный в ложных взглядах нашей высшей школы и нашего образованного общества и подверженный с детства влиянию людей развратных. Светлые идеи своей поэзии он почерпал в изучении жизни народной и в самом своем поэтическом вдохновении; ими он старался побороть свои греховные страсти и надеялся, что он достигнет возрождения души своей в той ее первоначальной чистоте и светлости, какими она была одарена от Творца. Эту надежду он выразил в известном стихотворении, описывающем, как невежественный маляр искажил своими самовольными рисунками прекрасную картину древности. Но вот неумелая работа искажителя стирается временем, и фреска первоначального художника-гения восстает во всей своей красоте.

Так исчезают заблужденья
С измученной души моей,
И возникают в ней виденья
Первоначальных, чистых дней*.

Как человек Пушкин был, конечно, таким же бедным грешником, как и большинство людей его круга, но все же он был грешник борющийся, постоянно кающийся в своих падениях. Лучшие его лирические стихотворения — это те, в которых он оплакивает такие падения, и те, которыми он выражал свое разочарование в ложных устоях тогдашней общественной жизни, его воспитавшей и затмевавшей в нем правила христианства еще в детские годы. Есть одно мало замеченное критиками стихотворение, в котором Пушкин описывает те два царящие в нашей общественной жизни греховные начала, что служили причиной его первоначального отступления от детской чистоты и от детской веры. Это — демон гордыни и демон разврата.

---

* «Возрождение». Т. I. С. 208.

В начале жизни школу помню я;
Там нас, детей беспечных, было много —
Неровная и резвая семья;

Смиренная, одетая убого,
Но видом величавая жена
Над школою надзор хранила строго.

Толпою нашею окружена,
Приятным, сладким голосом, бывало,
С младенцами беседует она.

Ее чела я помню покрывало,
И очи светлые, как небеса;
Но я вникал в ее беседы мало.

Меня смущала строгая краса
Ее чела, спокойных уст и взоров,
И полные святыни словеса.

Дичась ее советов и укоров,
Я про себя превратно толковал
Понятный смысл правдивых разговоров.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственных порфирных скал.

Там нежила меня дерев прохлады;
Я предавал мечтам мой слабый ум,
И праздномыслить было мне — отрада.

Другие два чудесные творенья
Влекли меня волшебною красой:
То были двух бесов изображенья.

Один (Дельфийский идол) лик молодой —
Был гневен, полон гордости ужасной,
И весь дышал он силой неземной.

Другой — женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеал,
Волшебный демон — лживый, но прекрасный... *

Более подробно он раскрывает то же служение этим двум бесам в лице Евгения Онегина. Забыв свой нравственный долг как христианина и гражданина, этот герой Пушкина усердно служил двум названным бесам, гоняясь за житейскими наслаждениями; но неизгладимый из сердца, хотя и смутно сознаваемый, укор совести постоянно отравлял его жизнь каким-то неопределенным

стремлением найти другие условия быта. И вот он, переезжая с места на место, подобно Каину, тщетно ищет покоя своей душе.

Наши патриоты во главе с великим Достоевским видят причину печалей пушкинских героев в их отрешенности от народной жизни. Они правы, но условно. Пушкин действительно находил нравственную опору против ложных устоев общественной жизни в русском народе и в русском историческом прошлом; но он ценил то и другое не потому, что это наше, родное, свое, а потому, что русская допетровская жизнь и жизнь народная современная были именно вполне согласны с тем чистым и строгим обликом прекрасной учительницы, от которой отступил он для служения двум демонам. Такого служения была чужда наша прежняя церковно-народная культура, продолжающая и поныне жить в нашей деревне. Пушкин был народник, но прежде всего он был моралист, и народником сделался потому, что был моралистом. Мысль эта для многих покажется невероятной, но смотрите, где Пушкин был более великим поэтом, как не в исповедании своих разочарований, своего раскаяния.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты!
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец!
Живу печальный, одинокий,
И жду: придет ли мой конец? *

Я дружбу знал и жизни молодой
Ей отдал ветреные годы;
И верил ей за чашей круговой
В часы веселий и свободы...

И свет, и дружбу, и любовь
В их наготе отныне вижу, —
Но все прошло! Остыла в сердце кровь,
Ужасный опыт ненавижу... **

---

* «Элегия». Т. I. С. 238.

** Т. I. С. 286 <«В. Ф. Раевскому» («Ты прав, мой друг, — напрасно я презрел...»)>.

Когда для смертного умолкнет шумный день
 И на немые стогны града
 Полупрозрачная наляжет ночи тень
 И сон, дневных трудов награда,
 В то время для меня влачатся в тишине
 Часы томительного бденья:
 В бездействии ночном живей горят во мне
 Змеи сердечной угрызенья;
 Мечты кипят: в уме, подавленном тоской,
 Теснится тяжких дум избыток;
 Воспоминание безмолвно предо мной
 Свой длинный развивает свиток:
 И с отвращением читая жизнь мою,
 Я трепещу и проклиная,
 И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
 Но строк печальных не смываю.

* * *

Я вижу в праздности, в неистовых пирах,
 В безумстве гибельной свободы,
 В неволе, в бедности в <чужих> степях
 Мои утраченные годы.
 Я слышу вновь друзей предательский привет
 На играх Вакха и Киприды,
 <И> сердцу вновь наносит хладный свет
 Неотразимые обиды *.

Достоинно внимания то, как высоко он ценил те, даже небольшие, добрые влияния, на которые можно было ему опираться в минуты нравственной борьбы, сколь ответственным пред ними он себя считал, когда оказывался им неверен.

Воспоминаньями смущенный,
 Исполнен сладкою тоской,
 Сады прекрасные, под сумрак ваш священный
 Вхожу с поникшею главой.

Так отрок Библии — безумный расточитель —
 До капли истощив раскаянья фиал,
 Увидев наконец родимую обитель,
 Главой поник и зарыдал!

В пылу восторгов скоротечных,
 В бесплодном вихре суеты,
 О, много расточил сокровищ я сердечных
 За недоступные мечты!

---

* «Воспоминание». Т. II. С. 37.

И долго я блуждал, и часто, утомленный,
 Раскаяньем горя, предчувствуя беды,
 Я думал о тебе, приют благословенный,
 Воображал сии сады! *

Прочтите его стихотворения в дни годовщин Лицея, его признания в постоянной мысли о смерти («Брожу ли я вдоль улиц шумных...»), его стихи к Филарету ** или «Подражание Джону Буньяну» *** — и вы поймете, что только ложное воспитание, ложная жизнь ввела в служение страстям эту чистую душу, предназначенную не для них, не для условных целей жизни, но для чистой добродетели.

Вот почему из всех христианских молитв ему более всех нравилась та, в которой христианином испрашивается полнота добродетелей.

Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста —
 И падшего свежит неведомою силой:
 «Владыка дней моих! дух праздности унылой,
 Любоначалия, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей;
 Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
 Да брат мой от меня не примет осужденья,
 И дух смирения, терпения, любви
 И целомудрия мне в сердце оживи» ****.

О том, как Пушкин ценил, в частности, добродетель целомудрия, свидетельствуют следующие стихи из «Бориса Годунова»:

Храни, храни святую чистоту
 Невинности и гордую стыдливость:
 Кто чувствами в порочных наслажденьях
 В молодые дни привыкнул утопать,
 Тот, возмужав, угрюм и кровожаден,
 И ум его безвременно темнеет *****.

За эту чистоту и смирение он возлюбил русскую древность и русскую деревню:

* «Воспоминание в Царском Селе». Т. II. С. 75.

** «В часы забав иль праздной скуки...» — *Сост.*

*** «Странник». — *Сост.*

**** «Молитва». Т. II. С. 188.

***** «Годунов». Т. III. С. 70.

...Сейчас отдать я рада
 Всю эту ветошь маскарада,
 Весь этот блеск, и шум, и чад,
 За полку книг, за дикий сад,
 За наше бедное жилище...
 Да за смиренное кладбище,
 Где нынче крест и тень ветвей
 Над бедной нянею моей... *

...Я здесь, от суетных оков освобожденный,
 Учуся в Истине блаженство находить,
 Свободною душой Закон боготворить,
 Роптанью не внимать толпы непросвещенной,
 Участьем отвечать застенчивой Мольбе,
 И не завидовать судьбе
 Злодея или глупца в величии неправом **.

Чванство не оставляет общественной жизни даже и на кладбищах: кладбище городское и кладбище сельское в одном из лучших стихотворений Пушкина являются выразителями различной внутренней настроенности горожан и поселян.

Когда за городом, задумчив, я брожу
 И на публичное кладбище захожу —
 Решетки, столбики, нарядные гробницы,
 Под коими гниют все мертвецы столицы,
 В болоте кое-как стесненные кругом,
 Как гости жадные за нищенским столом,
 Купцов, чиновников усопших мавзолей,
 Дешевого резца нелепые затеи,
 Над ними надписи и в прозе, и в стихах
 О добродетелях, о службе и чинах;
 По старом рогаче вдовицы плач амурный,
 Ворами со столбов отвинченный урны,
 Могилы склизкие, зияющие тут,
 Которые жильцов к себе на утро ждут, —
 Такие смутные мне мысли все наводит,
 Что злое на меня уныние находит,
 Хоть плюнуть, да бежать.

Но как же любо мне
 Осеннею порой, в вечерней тишине
 В деревне посещать кладбище родовое,
 Где дремлют мертвые в торжественном покое:
 Там неукрашенным могилам есть простор!
 К ним ночью темною не лезет бледный вор;
 Близ камней вековых, покрытых желтым мохом,
 Проходит селянин с молитвой и со вздохом;

* «Онегин». Т. III. С. 403.

** «Деревня».

Наместо праздных урн и мелких пирамид,
 Безносых гениев, растрепанных харит,
 Стоит широко дуб над важными гробами,
 Колебясь и шумя... *

Из городов только Москва сохраняет дух русской непосредственности и внутренней свободы, которыми была богата Русь древняя. С этой стороны и воспевает ее неоднократно Пушкин:

И восклицаю с нетерпением:
 Пора! в Москву! в Москву сейчас!
 Здесь город чопорный, унылый,
 Здесь речи — лед, сердца — гранит **.

Итак, народные и исторические симпатии Пушкина зависели от его нравственных и религиозных убеждений, а не наоборот; и этим именно должно объяснять, что, переходя на почву народную и сделавшись поклонником деревни, Пушкин не стал вместе с тем отрицателем науки и культуры, подобно многим позднейшим писателям. Негодуя на невежество своих современников в отечественной истории, которую, по его словам, Карамзин открыл русскому обществу, как Колумб Америку³, сочувственно приветствуя первых славянофилов (Киреевского), Пушкин, однако, не боялся заимствования научных сведений от Запада, как он писал в своей всеподданнейшей записке о воспитании⁴.

Весьма поучителен такой разумный, искренний и правдивый способ выработки своих убеждений нашего поэта, освобождавший его от всяких увлечений, от всякой партийности, от тогдашнего придворного космополитизма и мистицизма, от декабристов и от аракчеевщины, и открывший ему путь к самой немодной в то время православной вере, которую даже в богослужебных книгах не дозволено было называть православной, а только греко-российской. Поучительно это внутреннее саморазвитие Пушкина для нашего юношества, для нашего общества, потому что наш Пушкин, падавший, борющийся и кающийся, до сих пор остается микрокосмом русского общества, так же, как он, воспитанного в поклонении тем двум демонам вне церкви и народа, и так же, как он, постоянно слышащего в укор своих страстей и своей праздности неумолкающий призыв, призыв, исходящий от своей совести, от окружающих нас остатков христианской культуры, и наконец, от нашей прекрасной пушкинской и по-

* «Кладбище». Т. II. С. 188 <«Когда за городом, задумчив, я брожу...»>.

** «Москва» <«Ответ» («Я вас узнал, о мой оракул...»)». Т. II. С. 87.

слепушкинской литературы. К этой лучшей жизни, которой цель есть добродетель и нравственная свобода, призывает теперешнюю грешную Русь та Святая Русь, которую начал открывать ей великий поэт, — как орел свободный звал за собою пленного орла.

Сижу за решеткой в темнице сырой.
Вскормленный в неволе орел молодой,
Мой грустный товарищ, махая крылом,
Кровавую пищу клюет под окном.

Клюет и бросает, и смотрит в окно,
Как будто со мною задумал одно;
Зовет меня взглядом и криком своим,
И вымолвить хочет: «Давай улетим!

Мы вольные птицы; пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синеют морские края,
Туда, где гуляем... лишь ветер да я!» *

Да, к нравственной свободе, к духовному совершенству тягостел дух нашего поэта, и вовсе не понимают его те, которые хотят наложить на его имя ярлык какой-либо политической доктрины, взывать от его имени к каким-либо политическим предприятиям. Внешний административный строй жизни, тот правовой порядок, который туманил головы многих наших современников, был чужд пушкинских стремлений. Как публицист он не мог не замечать и этой видимой стороны жизни, но она интересовала его только с нравственной точки зрения. Вот почему одни и те же политические знамена видели его то под собою, то против себя. То поклонник дворянских привилегий, то огненный обличитель барского деспотизма и крепостного права (стихотворение «Деревня»); то пламенный защитник самодержавия и непримиримый враг политических переворотов (заключительная глава «Капитанской дочки»), — то озлобленный насмешник над строгой цензурой, готовый даже роптать, что родился в такой стране, где нет свободного слова (письма к жене)⁵; Пушкин не в политическом строе жизни полагал свое призвание как русского общественного деятеля; он находил в общественной жизни сферу высшего блага, зависящего исключительно от богатства внутреннего содержания деятеля.

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв —

* «Узник». Т. I. С. 273—274.

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв*.

Есть другое стихотворение, в котором Пушкин уже вполне определенно указывает на второстепенное значение правового порядка и на первостепенное значение нравственного начала.

Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспоривать налоги,
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне — свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.
Все это, видите ль, слова, слова, слова!
Иные, лучшие, мне дороги права;
Иная, лучшая, потребна мне свобода...
Зависеть от властей, зависеть от народа —
Не все ли нам равно?..
Дивясь божественным природы красотам,
И пред созданьями искусств и вдохновенья
Безмолвно утопать в восторгах умиленья —
Вот счастье! вот права!**

Блаженна была бы Россия, если бы юношество и общество и в этом отношении согласилось с Пушкиным и посвящало свой ум и свои силы не на ту борьбу политических идей, партий и мечтаний, которыми исчерпывается жизнь западного мира, выродившегося из бездушной культуры правового Рима. Пусть призванные на то правительственные чины и профессора юридических наук знают эту область. Но русскому гению суждено вносить в жизнь иные, высшие, начала, те «сладкие звуки и молитвы», для которых был рожден Пушкин. Об этом согласно говорят все наши народные поэты, раскрывавшие в своих творениях не правовые, но нравственные устои жизни. Таковы: Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Толстые, Гончаров и даже те, которые силились волноваться политикой и как бы против собственной воли рассуждали о добродетели и о вечной истине. Таковы были: Некрасов, Тургенев и даже Герцен. Не напрасно наши теперешние политические друзья-французы в лице лучших знатоков русской жизни (Леруа-Болье и Де-Вогюе)⁶ замечают, что русские глубоко и искренно интересуются только моралью и религией, хотя и любят говорить об экономии и праве.

* «Поэт и толпа». — *Сост.*

** Т. II. С. 187.

Но ведь это значит отказаться от всякой общности? погрузиться в личный аскетизм? — Неправда! Область нравственного совершенства хотя и связывается на первых порах с сосредоточенностью и уединением, но затем широкою волной свободного влияния вливается в общественную жизнь, в общественные нравы, что весьма плохо удается началу правовому.

Есть сила более устойчивая, чем правовой порядок, сила могучая и вековая, которая создается лишь нравственным влиянием личности. Эту силу мало знает современная жизнь и мало понимает современная наука. Сила эта называется бытом, бытом общественным, бытом народным, бытом историческим. Вот, работать для этой силы призывает нас поэзия Пушкина и его последователей, и этой работе не препятствует никакой правовой порядок. Напротив, все правительства всех стран заботятся о том, чтобы понять быт своей страны, охранять, ограждать его, так что и самое законодательство бывает по отношению к быту силою служебной. Наука, литература, благотворительность, школьное просвещение, а в особенности христианская убежденность и одушевленное православие — вот те посредства, чрез которые истинный общественный деятель, истинный любитель народа сообщает нравственные силы своего духа общественному быту. Понявшие эту истину избранники, теоретики или практики, как о. Иоанн Кронштадтский, Достоевский или Рачинский, проходят по полю жизни победоносной светлой стезей. Напротив, последователи знамен политических, партизаны правовых порядков почти всегда в зрелом возрасте отступали от ложных увлечений молодости, да и пока служили этим последним, то их призывы были скорее истерическим криком человека, желающего заглушить свою собственную внутреннюю раздвоенность, и казались тем убедительнее, чем менее могли их понять и оценить призываемые, так что горячее увлечение подобными идеями было свойственно лишь самой незрелой молодежи.

Мы сказали, что все русское общество отобразилось в личности Пушкина. Пушкин понял, в чем ложь и в чем истина для него самого и для России. Понял, но далеко не всегда и не во всем следовал своим убеждениям: напротив, весьма часто вновь возвращался к служению страстям и предрассудкам и закончил свою жизнь ужасным преступлением поединка, который сам называл нелепым заблуждением слепого и греховного самолюбия. Подвергнувшись этому заблуждению, он совершенно освободился от него пред кончиной, умирал добрым христианином, в искреннем покаянии, и, надеемся, был принят в Небесное Царство, куда первым вошел раскаявшийся разбойник.

Что ожидает нашу Русь, отразившуюся в жизни поэта? Ей также открыты пути истины: история, литература и современный опыт вещают ей о том нравственном предназначении ее, которое понял для себя Пушкин, но она отступает от него снова и снова, обнаруживая гораздо более сильную раздвоенность, чем ее любимый поэт. Ужели ее ожидает когда-либо такое же неразумное самоистребление, которое постигло нашего несчастного народно-гения?

Это известно только Богу... Но не напрасно на сегодняшней литургии читалось грозное евангельское слово: *«Дондеже свет имате, веруйте во свет, да сынове света будете»*⁷. Эти слова Господь привел в заключение другого грозного предостережения: *«Еще мало время свет в вас есть, ходите, дондеже свет имате, да тма вас не имет и ходяй во тме не весть, камо идет»*⁸. Ныне сынам нашего общества, хотя и равнодушного к свету вечной истины, не трудно бывает покаянное обращение к нему, потому что как бы кто ни отвращал своих очей и ушей от христианской жизни и духовного совершенства, но остатки ее еще довольно крепко живут в общественных нравах; звук великопостного колокола и доныне просится в русское сердце, братский привет пасхального целования еще не упраздняется среди нас, разочарованный грешник еще не забыл о существовании дороги в храм, и борющаяся со страстью душа еще знает о существовании священной книги — Нового завета. Но не суждено ли и этим остаткам христианства и нравственной силы наших предков постепенно исчезать среди нашего равнодушия и нравственного обленения? Конечно, христианская вера и христианская церковь пребудут вовеки, но не обособятся ли они от русского общества в отдельную совершенно жизнь, и тогда для общества *«приидет ночь, егда никтоже может делати»*?⁹ Нет, горячая любовь нашего общества к русской поэзии, проповедующей ему христианское возрождение, ручается, думаем, за то, что оно не даст отлететь от нас христианскому духу, — и когда противоречие между ложными устоями нашей жизни и теми светлыми заветами евангельской веры обострится настолько, что придется волей-неволей выбирать одно из двух, тогда русский человек, многократно отрицавшийся от Христа, как изменивший, но покаявшийся снова ученик, воскликнет: *«Ей, Господи, Ты веси, яко люблю Тя»*¹⁰.

